

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

публикуется впервые

ВСТРЕЧИ С ЕСЕНИНЫМ



«Собранные здесь стихи, — писал в предисловии к книге «Русь Советская» редактор газеты «Бакинский рабочий», секретарь ЦК Компартии Азербайджана П. И. Чагин, — первые ласточки, первые предвестники настоящей революционной весны есенинского творчества...»

В 1924 году в Баку у поэта завязалась тесная дружба с Чагиным. Чагин много сделал и для популяризации творчества Есенина, будучи длительное время директором Государственного издательства художественной литературы. Им собран ценный архив, который ныне хранится у его вдовы Марии Антоновны, лично знавшей Сергея Есенина.

Ниже публикуются воспоминания М. А. Чагиной о встречах с поэтом.

Петр Иванович прочел, что написал Есенин, по своей редакторской привычке исправил обнаруженную ошибку и сказал недовольно:

— Неужели ты не мог ничего лучшего написать Марии Антоновне?..

Через несколько дней Есенин пришел ко мне один. Смущенный, с застенчивой улыбкой протянул пакетик из папиросной бумаги и сказал: «Это вам от Петра». В пакетике было обручальное кольцо с инициалами «П. И.». Второе, с моими инициалами, как объяснил Сергей Александрович, оставил у себя Петр Иванович, заказавший эти кольца. Надо ли говорить, какие чувства овладели мною, что я испытывала в тот момент!..

Вспоминаю с большой грустью встречу с Есениным, оказавшуюся последней. Осенью двадцать пятого года мы с Петром Ивановичем приехали в Москву и остановились в гостинице «Пассаж» (теперь там Театр имени М. Н. Ермоловой). Собралось много друзей, было оживленно и весело. Неожиданно раскрылась дверь, и в комнату вошел Есенин. Странно одетый — в мокрой от дождя крылатке, в глубоко надвинутой на лоб шляпе. С надрывом в голосе он сказал:

— Вы здесь, а я сейчас с могилы Ширяевца. Посмотрели бы, что с ней сделали: по ней ходят, топчут ее ногами, на ней даже решетки нет. Я плакал навзрыд, как маленький плакал...

Разговоры оборвались, и в комнате воцарилась напряженная тишина. Он сел на диван, закрыл лицо рукой, а другой обнял меня и тихо спросил прерывающимся голосом:

— А вы очень презираете меня?

Ошеломленная, я не нашлась, что ответить. Потом отвела руку от его лица и сказала:

— Милый, хороший! Как можно так говорить, как можно так думать...

В комнате вновь стало шумно, все заговорили, перебивая друг друга, а Есенин сидел еще немного и, ни с кем не попрощавшись, ушел...

Однако Есенину суждено было еще раз пройти через мою судьбу. В конце 1925 года я жила в Ленинграде на улице Плеханова, недалеко от гостиницы «Англетер». Петр Иванович находился в Москве, где принимал участие в работе съезда партии, и вызвал меня к себе телеграммой. Садясь в поезд 28 декабря, я услышала, как кто-то сказал: «Умер Есенин». Не знаю, почему, но у меня мелькнула мысль о трагедии. Наутро, приехав в Москву и увидев на перроне Петра Ивановича, я поняла по его лицу, что предчувствия не обманули меня. Я услышала печальную правду, в которую трудно было поверить. А я, находясь так близко, почти рядом, ничем не смогла помочь. Горько, очень горько было сознать это...

В нашем архиве бережно хранятся фотографии, рукописи Есенина, книги с его дарственными надписями. Есенин навсегда остался в памяти и сердце таким, каким я его увидела впервые, — верным рыцарем поэзии.

М. ЧАГИНА.

МОСКВА.

● С. Есенин. Баку. 1924 год.

Фото из фондов Государственного литературного музея.

О ДРУЖБЕ Сергея Есенина и Петра Чагина написано много. Петр Иванович оказал большое влияние на Есенина, но и поэт занял значительное место в жизни Чагина, в нашей судьбе, оставив в ней неизгладимый след. А дело было так...

Я жила тогда в Баку. Осенью 1924 года мне нужно было отнести статью для газеты «Бакинский рабочий». Не застав никого в редакции, я направилась к выходу, но, задумавшись, открыла не ту дверь и оказалась... в кабинете главного редактора. Он встал из-за стола и, улыбнувшись, спросил:

— Вы ко мне? По какому делу?

— Нет, товарищ Чагин, — ответила я, смутившись. — Произошла ошибка — мне нужен Герасим Джавадян.

— Может, я могу быть вам полезен?..

Он пригласил меня сесть, и я, оправившись от смущения, смогла рассмотреть его по-лучше. Завязалась оживленная беседа, и через несколько минут мне уже казалось, что мы давно знаем друг друга. Говорили о литературе, искусстве, последних новинках в поэзии. Когда я собралась уходить, Чагин спросил:

— Вы, кажется, знакомы с Владимиром Пессимистом? (Псевдоним публициста В. Швейцера.)

— Да, и он собирается на днях быть у нас. А может, и вы придете? — предложила я, поддаваясь его обаянию.

— Хорошо, постараюсь, — ответил он с улыбкой.

— А вы не старайтесь — приходите...

Петр Иванович сдержал слово. Вскоре знакомство перешло в большую дружбу.

Как-то Чагин сказал мне:

— Хотите познакомиться с Сергеем Есениным? Я вам рассказывал, он недавно приехал из Москвы. Талант, поэт божьей милостью. Повсюду езжу с ним, знакомлю с городом, посвящаю в стихию, промислов. — Петр Иванович усмехнулся. — Очень любопытный, все его интересует... Вы не против?

Как я могла быть против? Все мы много слышали о Есенине, следили за его выступлениями, знали наизусть его стихи. И в «Бакинском рабочем» они сейчас появлялись почти в каждом номере.

Вскоре состоялась эта встреча. Вначале Есенин произвел на меня странное впечатление. Он был чем-то встревожен, и я чувствовала на себе его испытующий взгляд. Я подозревала, что в нем говорит ревность, боязнь, что зарождавшиеся между мной и Петром Ивановичем чувства отнимут у него друга. И потому испытывала неловкость.

Но затем Есенин потеплел. Они с Петром Ивановичем

почти каждый день навещали меня. Я внимательно присматривалась и удивлялась, насколько это разные люди. Есенин эмоциональный, порывистый, легко ранимый, подверженный быстрым сменам настроения. Чагин, несмотря на свою тоже поэтическую натуру, имел характер твердый, решительный, мог «удерживать свою душу за крылья». Но подкупающая искренность их отношений не вызвала сомнения относительно взаимной симпатии...

Помнится один из вечеров. Наступили сумерки, и я укладывала спать сына. Есенин взял Арчика на руки, посадил его на плечо и сделал несколько па танго, напевая модный мотив «Симон».

А Петр Иванович сказал: — Что-то тебя, Сергей, потянуло на цыганщину: прочти лучше что-нибудь свое.

Уложив мальчика в кроватку, Есенин направился в другой конец комнаты и с хрипотцой в голосе начал декламировать:

— Снова выплыли годы из мрака
И шумят, как ромашковый луг...

И вдруг раздался сонный голос Арчика:

— Навек уснуть,
Навек забыть...

Мы с трудом сдержали улыбки: оказывается, мальчик запомнил стихи Блока, прочитанные у нас накануне Есениным.

Как-то мы стояли с ним у окна, молча смотрели во двор. Повернувшись ко мне, он вдруг сказал:

— Видите тот ржавый желоб? Я такой же, как он, но из меня течет чистый каскальский источник поэзии.

И замолчал, став грустным, поникшим.

Особенно остался в памяти день рождения Есенина. Петр Иванович позвонил и сказал, что они думают отметить его у нас и хотят порадовать меня подарком. Это были две фотокарточки. Одна из них, на которой Петр Иванович и Есенин сидят рядом (ныне широко известная фотография), мне особенно понравилась.

Петр Иванович сделал на фото надпись:

«М. А. Примите дружный дар двух рыцарей пера, Скандального Сергея и бурного Петра».

Рядом сделал надпись своим бисерным почерком Есенин:

«Дорогая Марья Антоновна,
Сне есть истинно и не условно.

Можно поклясться престелью ваших глаз,
Не забывайте грешных нас.
Скандальный Сергей.
3 октября 1924 года».